

ПОЭТ И

Виктор Трифонович СЛИПЕНЧУК, известный советский и российский писатель, давно и плодотворно сотрудничает с еженедельником «Аргументы недели». Рассказы, поэмы и отрывки его повестей и романов регулярно публикуются на наших страницах. Волны изданных произведений писателя достигли Западной Европы, Китая, Японии, Монголии и других стран, где интерес к его творчеству постоянно растёт. Мы поговорили с ним о некоторых событиях в его насыщенной жизни.

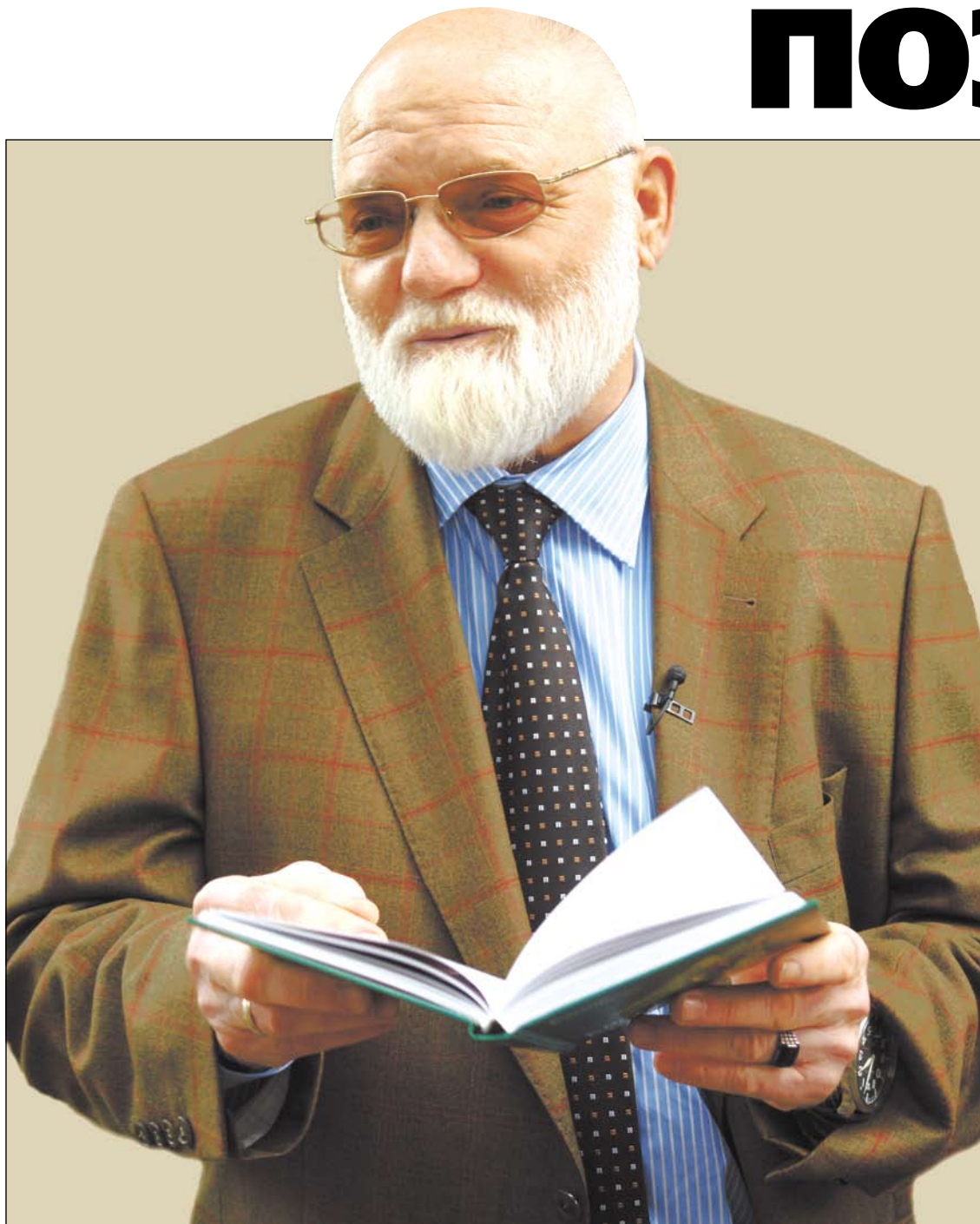
Признание
Смеякова

— Вы начинали как поэт. Ваше первое стихотворение было опубликовано в газете «Черниговский колхозник». Ваше стихотворение «Барабанщик» высоко оценил Ярослав Смеяков. Расскажите об этом.

— Газету с моим первым стихотворением привёз мой отец, Трифон Аксентьевич Слипичук. Он ехал на подводе с колхозниками на молочно-товарную ферму, и по пути заскочил домой, чтобы отдать мне газету. Точнее сказать — газетёнку. Стихотворение называлось «О пастушке Петруше». Оно было напечатано на вкладке — курсивом в правом углу. Я ничего не знал о публикации. Вручив газету, отец сообщил, что в ней напечатано моё стихотворение. И тут всё вокруг исчезло, перестало существовать. Я и сам мгновенно отлетел куда-то, словно неведомая птица. Остались только газета и напечатанное в ней стихотворение. Не знаю, сколько длилось моё отсутствие, потому что времени тоже не было. Хорошо помню, что прочёл — *В. СЛИПЕНЧУК*... и всё стихотворение несколько раз. Когда вернулся — отец смотрел на меня с каким-то несвойственным ему удивлением, словно вместо меня увидел кого-то другого. Я спросил — газету он возьмёт с собой или оставит дома? В ответ он сказал, что газету оставляет мне, и улыбнулся. Улыбнулся такой мягкой радостной улыбкой, словно только что узнал меня по голосу и окончательно утвердился, что я — это Я, его сын. Так сказать, преодолел окончательные сомнения. Мы засмеялись. Я почувствовал, что обрадовал отца, что предметом его радости являюсь я и моё стихотворение. Это незабываемо.

О высокой оценке Ярослава Васильевича Смеякова невозможно рассказать без подробностей.

Стихотворение «Барабанщик» я написал в армии. Перед службой был приглашён в Барнаул на краевой семинар молодых литераторов — в секцию поэзии. Руководил секцией московский поэт Марк Андреевич Соболев. Ему мои произведения понравились, и он предложил подобрать стихи для первой книжки. Я сказал, что ухожу в армию, уже повестка на руках, да и хороших стихов мало. Он возразил: первая книжка — какая получится. Первая важна лишь как демонстрация, что ты пишешь стихи. С книжкой тебя хотя бы не посадят за тунеядство. А уж вторая — должна быть по-настоящему сильной. Я отказался.

Сказал, что рукопись приготовлю, когда вернусь из армии.

Когда вернулся, многое изменилось. 1966 год. В родном литобъединении узнал, что в марте в АПИ, Алтайском политехническом институте, намечается «Третий День поэзии». Был уверен, что на выступлении поэтов встречу с Марком Андреевичем.

От Рубцовска (место проживания) до Барнаула — пять часов поездом. Приехал и очень огорчился, что меня нет в списке выступающих. Всегда считал и сейчас считаю себя поэтом. От Алтая выступали поэты Марк Юдалевич, Леонид Мерзликин и Геннадий Панов. Именно эта тройка решила, что на подобных мероприятиях мне выступать рано. Впрочем, выяснять, что да как, да почему, времени не было. Мы с Валерой Чаптыновым, тоже поэтом, старшекурсником Алтайского сельхозинститута, отправились в политехнический — до начала оставалось менее часа. Народу было — не протолкнуться. На улицу вынесли радиолококола. Актовый зал и все пространства вокруг были заполнены студентами. Мы с Валерой с трудом рассмотрели два свободных места в последнем ряду у входа в актовый зал. Передавая Валере свой громоздкий баул, предупредил:

— Когда поэты будут проходить мимо нас, присоединюсь к ним.

— Пойдёшь на сцену?! — с некоторым удивлением, но больше с восторгом спросил Валера.

— Да, пойду. Что, я напрасно пять часов трясся в тамбуре поезда?! Я такой же поэт, как все, и к тому же эта студенческая аудитория моя, понимаешь, моя!..

На праздник поэзии ожидался гости из Москвы, Ленинграда, Калининграда, Новосибирска, Красноярска, Иркутска. Особенно радовали гости из Москвы — Марк Соболев и Сергей Марков. Прежде всего, конечно, Марк Соболев.

Выступающие задерживались. И вдруг по сменившемуся гулу стало понятно — поэты на подходе. Они вошли в актовый зал под радостные аплодисменты и стук скамеек — студенты хлынули к проходу. Поэты вынуждены были идти гуськом, то есть друг за другом. Всё внимание организаторов праздника (секретарей комсомола АПИ), естественно, сосредоточилось на шествующих первыми. На идущих сзади никто не обращал внимания. Я сделал шаг и оказался замыкающим в строю. Мне представлялось, что на сцене будет возможность как-то объяснить своё нелегальное появление. Но стулья на сцене были уже расставлены, и получилось, что первые из поднявшихся на сцену оказались в последних рядах, а последние (в том числе и я) — в первых. Хорошо помню, что мне досталось место в первом ряду, причём самое видное, центральное. Впереди были только две стойки с микрофонами.

На сцене включили дополнительное освещение, а в акто-

вом зале — пригасили. Я сел, и сразу же диктор, находящийся где-то за кулисами, пригласил к микрофону поэта из нашего ряда, кажется, из Иркутска. После него выступал мой сосед справа — поэт Зорий Яхнин из Красноярска. О чём были его стихи, не помню. Потому что за ним по порядку (слева направо) предстояло читать мне, и я, так сказать, пребывал в напряжённом ожидании. Но диктор объявил не меня, а моего соседа слева. Меня пропустили, как пустое место.

Не буду подробно останавливаться на своих чувствах. Никогда прежде не испытывал столь глубокого одиночества. На меня смотрели из зала, как на самозванца. Я словно бы заживо окаменел.

Когда объявили пятнадцатиминутный перерыв (антракт), я не шелохнулся. Всё происходящее было как бы не со мной и не касалось меня. Ощущал себя вне времени и пространства.

Во время антракта в кругу поэтов произошёл спор, и, как теперь понимаю, не без вмешательства московских поэтов. С чувством высокого почтения кланяюсь в их сторону.

Вторую, заключительную часть выступления поэтов начали с меня. Когда объявили, рядом сидевший Зорий Яхнин сказал: «Прочти что-нибудь коротенькое». В его голосе чувствовалось не только пренебрежение ко всему, что могу прочесть, а ещё и некая докуча, исходящая от меня как не-

известного субъекта, нахально влезшего в их избранный круг.

У микрофона объявил, что прочту патристическое стихотворение — «Комсомолу». За спиной послышались обидные остроты. После прочтения вначале была тишина — всеобщая, полная. Я повернулся спиной к слушателям, чтобы сесть на своё место, и тут зал взорвался. Это были аплодисменты какого-то неудержимого ликования. В актовом зале включили свет на полную мощность. Студенты повскакивали с мест, стали требовать читать ещё. В самом последнем ряду я увидел Валеру Чаптынова, он потрясал моим баулом. Я не заставил себя ждать. Но мой микрофон перехватил неожиданно выбежавший из глубины сцены Илья Фояков, собкор «Литературной газеты» по Новосибирску. Волнуясь и ероша свою интеллигентную бороду, стал кричать в зал:

— Что вы делаете?! Чему вы радуетесь и аплодируете?! Сейчас Слипичук оскорбил вас, а вы аплодируете — спасибо за то, что ты так замечательно, так красиво нас оскорбил!!

В ответ зал негодующе взревел. Диктор попросил всех успокоиться и вновь объявил меня. Следующее стихотворение — «Баба-Яга». И опять — буря ликования.

Теперь к возгласам из зала стали примешиваться возмущённые голоса из вестибюля: «У нас в столовой хлеб чёрствый, а в общежитии многие кровати без пружин! Почему в Барнауле нет Дворца спорта?! Все бассейны ютятся по подвалам хрущёвок!» И ещё всякое в адрес начальства. В этом кипящем вареве всё бурлило, меня не отпустили от микрофона, и я сказал (был такой грех) — сегодня не мой День поэзии. И этим только добавил огня клокоцущему залу.

Когда диктор объявил об окончании праздника, ко мне подошёл Илья Фояков: «Надеюсь, ты не ждёшь от меня извинений?» Я промолчал, потому что не понял — о чём он?! Оказывается, Марк Андреевич Соболев потребовал, чтобы Илья Фояков извинился передо мной за свою беспардонную выходку. Получилось, что Фояков таким способом извинился. Впрочем, ни тогда, ни позже это не имело для меня никакого значения. Разве можно извиниться за крик души?!

Стихотворения, которые читал в Алтайском политехническом, можно прочесть в моей книге стихов «Свет времени» (издание четвёртое, исправленное и дополненное, 2019, с. 17, 19).

Утром следующего дня я уже был в колхозе «Память Ленина» (самый отдалённый и самый отстающий колхоз Рубцовского района, по свидетельству старожитов — якобы прежде именовавшийся «Шесть лет без Ленина»). В общем, моя жизнь учёного-зоотехника (я работал инспектором-организатором райсельхозуправления) вошла в обычную колею. А в Барнауле моё выступление произвело настолько сильное впечат-

ЗООТЕХНИК

ление, что комсомольцы стали искать меня. Искать по вытрезвительям, больницам и милицеским участкам. Кто-то пустил слух, что меня арестовали. Целую неделю политехнический лихорадило. Доходило до того, что целыми группами студенты отправлялись на поиски и пропускали занятия.

Все эти события в Барнауле как-то очень быстро обернулись для меня возвращением моей рукописи стихов из Алтайского книжного издательства. Стихи оценивались недостаточно совершенными, недостаточно советскими, а некоторые даже враждебными. (В скобках замечу — моя первая книга стихов вышла в свет только в 2006 году.)

Где-то в двадцатых числах мая неожиданно пришла телеграмма, что Алтайский крайком ВЛКСМ направляет меня в Кемерово на семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала (31.05 — 07.06.1966). От Алтайского края кроме меня были командированы поэты Николай Черкасов и Геннадий Панов. В поездке узнал, что они едут на семинар, который будет возглавлять классик русской литературы поэт Василий Дмитриевич Фёдоров, что ещё в апреле на его имя были отправлены рукописи их стихов. Получилось, крайком комсомола, хотя и оплатил мою командировку в Кемерово, конкретно не определил меня ни к кому из руководителей семинара.

По прибытии выяснилось, что меня нет ни в каких списках. Мы жили в какой-то гостинице. Участие моих сотоварищей было строго регламентировано. Когда личное знакомство с руководителями секции. Когда обсуждение их творчества. Когда выезжают на выступления на те или иные заводы и институты. Получалось, что меня никто не ждал и я приехал на свой страх и риск. Это стало неприятным сюрпризом, потому что неприглашённые (я это помнил по барнаульскому семинару молодых литераторов) сразу, автоматически попадали в разряд непризнанных. А я ехал в Кемерово за признанием.

Поэты в отличие от прозаиков всегда очень быстро сблизятся. И этому есть объяснение — проза для своего восприятия требует определённых условий, а стихи можно читать на память, воспринимать на ходу. Поэтому неудивительно, что так называемые непризнанные литераторы сбивались в группы, точнее сказать — в своеобразные ватаги (артели). Так легче было проникать на секции, на которых обсуждались стихи. Я прикинул к одной из ватаг, решивших побывать на семинаре под руководством Ярослава Васильевича Смелякова, Марка Андреевича Соболя и Ильи Олеговича Фонакова.

В тот день обсуждали стихи новосибирского поэта Виктора Крещика. (Марка Соболя почему-то не было.) Крещика представлял собкор «Литературки» по Новосибирску Илья Фонаков. Учительная его положение руководителя, нетрудно было догадаться, что сти-

хи Крещика (маленькая книжечка, выпущенная в кассете, «Старт» — Новосибирск, 1965) получат одобрение. Так и случилось. Обсуждение шло ровно, как по накатанной дорожке. Преобладала гладкопись во всём, но главное — стихи Виктора Александровича Крещика полностью соответствовали наступающему духу времени — закату оттепели.

В одном из стихотворений Виктор сравнил чабана с башней в степи. Мне сравнение показало надуманным. Тем не менее в заключительном слове Ярослав Васильевич отметил это сравнение как понравившееся ему. И ещё он сказал, что от имени руководителей семинара Виктора Крещика будут рекомендовать в СП СССР. В то время более высокой оценки творчеству молодого автора не существовало.

Виктор Крещик был одет в тёмный костюм, держался подчёркнуто скромно, представить его в жёлтой кофте Маяковского или в цилиндре с трубкой Есенина было просто невозможно.

Ватага непризнанных поэтов была не только большой, но и разношёрстной. Именно в ватаге непризнанных, обмениваясь произведениями, впервые услышал и на всю жизнь запомнил: «В лаптях, в армяках в заплатках — / Пошли мужики сутулясь. / Пошли мужики за Правдой. / И до сих пор не вернулись». Некоторые из непризнанных как будто нарочно никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова. Складывалось впечатление, что отныне русскую поэзию надо начинать с них.

Когда закончили обсуждение творчества Виктора Крещика, Ярослав Васильевич Смеляков, находясь в хорошем настроении, спросил аудиторию:

— Кто желает прочесть свои стихи?

Я предполагал, что будет лес рук, увя, оказался единственным.

— Давай рукопись, — сказал Ярослав Васильевич.

Отвечил, что рукописи нет, могу прочесть на память. Он кивнул, и я стал читать. «Я в маленьком и сером кабинете...»

Ярослав Васильевич слушал стоя, опершись о косяк.казалось, он приготовился уйти, не дослушав. Не скрывая неудовольствия, спросил:

— Кто-нибудь понял стихотворение?

Неожиданно отозвался Илья Фонаков:

— Я понял, — твёрдо сказал он.

Они коротко переглянулись — лёд и пламень. Ярослав Васильевич вновь кивнул мне. Следующим прочёл стихотворение «Царь».

После прочтения Ярослав Васильевич почти наполовину приоткрыл дверь (ему стало душно) и грозно взглянул на Илью Олеговича:

— Может быть, и это стихотворение поэт Фонаков понял и нам объяснит?

Илья Олегович сидел у окна, вцепившись в свою бороду. Опустив глаза, как бы потупившись, сказал:

— Нет, это стихотворение я тоже не понял.

Ярослав Васильевич удовлетворённо усмехнулся и строго спросил меня:

— У тебя есть что-нибудь повеселее?

— «Барабанщик», — сказал я и стал читать.

После прочтения Ярослав Васильевич, ничего не говоря, вышел из аудитории. Илья Фонаков, как соруководитель секции, объявил, что на сегодня обсуждение закончено. И, захватив папки с рукописями, вместе с Виктором Крещиком и другими признанными «семинаристами» поспешил к выходу.

Ватага непризнанных ринулась ко мне. Видя в произошедшем вопиющую несправедливость, они пожимали мне руку и всяческими словами восхищения давали отрицательную оценку всем признанным, и в том числе руководителям семинара. Скажу откровенно, их восхищение не находило в моей душе отклика. Я чувствовал, что даже лёгкое одобрительное слово со стороны Смелякова, случись оно, значило бы для меня больше, чем все их славословия.

— Да кто он такой — Смеляков?! Он уже одной ногой в гробу! Все они понимают — ты идёшь с новым словом, и они завидуют! Ты — гений! А они — букашки! Не дано им, понимаешь?! Лучше не печататься, чем ставить на службу им честное перо поэта.

Мы шли по длинному коридору, и я не могу сказать, что полностью не разделял их воззрений. Но — гений! Это было слишком. Я категорически не хотел быть непризнанным, тем более гением. Кто-то из окружения громко заметил — нам не туда, мы идём к буфету, а лестница в другой стороне. Ватага резко сменила курс, а я решил зайти в буфет, открытая дверь которого была в двух шагах.

Меня окликнули, но я не среагировал, потому что едва не столкнулся с Ярославом Васильевичем, он выходил из буфета.

— А, Слипечук! — сказал он с неожиданной мягкостью и улыбнулся мне как своему собрату. — Давай своего «Барабанщика».

Не знаю, слышал ли Ярослав Васильевич уничижительные возгласы бунтующей ватаги?! Наверное, нет, но я смутился, чувствовал себя провинившимся. Он вспомнил, что у меня нет отпечатанных стихов.

Мы отошли от двери к коридорному окну с небольшим подоконником. Ярослав Васильевич был в несколько длинноватом коричневом костюме. Запустил руку в левый внутренний карман, вынул несколько листов бумаги, сложенных вдвое.

— Любая профессия требует профессионализма, — сказал он, обливая губы. — В отличие от тебя, счёл необходимым отпечатать свои стихи на машинке, чтобы зайти в редакции местных газет и предложить для публикации.

Он дал чистый лист бумаги, чтобы написал «Барабанщика», а сам опять пошёл в буфет. Хлопнула дверь. Я оглянулся и с

удивлением увидел плотно сбитою парня из нашей ватаги, который быстрым шагом удалялся в глубину коридора. Откуда он взялся?! И зачем прятался за дверью?!

Взяв стихотворение, Ярослав Васильевич сказал:

— Пиши стихи, подобные «Барабанщику», с другими — не пробьёшься.

После возвращения домой, в Рубцовск, я и думать не думал, что моё стихотворение «Барабанщик» будет опубликовано в газете «Литературная Россия» по свежим следам состоявшегося съезда молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Тем более с напутственным словом самого Смелякова.

Первым меня поздравил с публикацией член нашего литобъединения при газете «Коммунистический призыв» Лёва Стрижжик. Он примчался под вечер на новеньком мотоцикле и, размахивая газетой, радостно прокричал: «У Михаила Светлова — «Гренада» и Маяковский, а у тебя — «Барабанщик» и Смеляков!»

Стихотворения, которые читал на семинаре Ярослава Васильевича, сегодня можно прочесть в книге стихов «Свет времени» (издание четвёртое, исправленное и дополненное, 2019, с. 35, 22, 90).

06.06.2022. Москва

К нашим баранам...

— Какой путь проделал молодой зоотехник, автор книги «Бараны-производители Алтайского края» до художественной прозы?

— Книга «Бараны-производители Алтайского края» — это каталог лучших животных Алтайской тонкорунной породы овец, который являлся осязательным подспорьем в работе зоотехников-селекционеров. Как и положено в таких книгах, в ней напроць, то есть полностью, отсутствует словотворчество. Главным описанием животных являются их родословная и чистопородность, отображённые квадратиками или другими значками. При всей технической обширности труда (сведение в единый каталог всех элитных животных края, принадлежавших государственному племязаводу и племястанциям...) я не испытывал радости от издания данной книги. С детства мечтая стать писателем, я либо читал стихи, либо писал их. То есть художественное слово всегда являлось существенной частью моей жизни. И вдруг книга, в которой слово практически отсутствует вообще.

Впрочем, не вдум. Окончив Омский сельхозинститут, а потом и полугодовые курсы бонитёров в Аскании-Нова, я, как старший зоотехник Краевой госплемястанции, просто обязан был издать данную книгу. Но мечтать о ней, как о книге своих стихотворений или рассказов, конечно, не мог.

В общем, на выступлениях с барнаульскими поэтами я всегда умалчивал о ней. И всё же благодаря именно книге об элитных баранах-производители

Алтайского края мне довелось стать участником совещания учёных-генетиков, проходившего в Институте цитологии и генетики в новосибирском Академгородке. В пятом томе собрания сочинений есть документальный рассказ «Термин Никоро», в котором повествуется о встрече поэта Губкина с Зоей Софроньевной Никоро, выдающимся учёным, сподвижницей великой школы генетиков-эволюционистов Дубинина, Четверикова, Кольцова...

Рассказ заканчивается разговором с директором Института цитологии и генетики Дмитрием Константиновичем Беляевым, который приглашает поэта Губкина, то есть вашего интервьюируемого, назавтра зайти к нему в институт и более обстоятельно побеседовать о поступлении в аспирантуру. По содержанию — «назавтра» не имело существенного значения для повествования, и вполне логично рассказ обрывается фразой: «Но Губкин ушёл в моря». А вот для ответа на ваш вопрос «Какой путь проделал молодой зоотехник... до художественной прозы?» подробности этого самого назавтра представляются мне весьма существенными. Потому что на следующий день я побывал у Дмитрия Константиновича Беляева.

Сегодня академик Беляев всемирно известен своим экспериментом по выведению одомашненных лисиц. Эксперимент длился несколько десятилетий и, по свидетельству американских генетиков-эволюционистов, является самым продолжительным в мире. В 2017 году в честь столетия академика на территории Института цитологии и генетики установлен удивительно симпатичный памятник Дмитрию Константиновичу Беляеву и приручённой лисице. Они сидят на лавочке, он протягивает лисице свою раскрытую ладонь, а она в ответ тянется к его ладони лапкой. Невольно вспоминаются есенинские строки: «...И зверьё, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове».

Моя книга «Бараны-производители Алтайского края» лежала у директора на столе, и он при мне листал её с таким интересом, будто это была книга моих первых и весьма обнадёживающих литературных творений. Его действительно впечатлили элитные животные, представленные в каталоге, в особенности наследственность, исходящая от скрещивания наших сибирских и австралийских меринсов.

Отложив книгу, он неожиданно сообщил, что получил письмо от соискательницы, окончившей с отличием Ленинградский кораблестроительный институт, которая желает стать аспиранткой по теме «Генетика поведения животных». Сообщение поразило меня. Кораблестроительный — с отличием?! Там математика и всё такое прочее — и я, учёный-зоотехник по овцеводству. Что-то в моём воображении заколебалось и утвердилось не в мою пользу.

ПОЭТ И ЗООТЕХНИК

Окончание.
Начало на с. 16-17

ТЕМ не менее Дмитрий Константинович сказал, что моя книга является более весомой заявкой для поступления в аспирантуру. Правда, с моей стороны ещё нужно представить реферат, примерно около десяти машинописных страниц. Внутренне сопоставив свои возможности и неведомой соискательницы с красным дипломом, я признался, что реферата на заданную тему не напишу:

— Не смогу. И наверное, поздно в двадцать шесть лет идти в аспирантуру, вдруг через три года не защищусь, только подведу всех.

Наверное, растерянный вид и искреннее признание возымели своё действие. Он весело усмехнулся.

— У меня не защититесь?! Такое просто невозможно! В моей лаборатории первый в стране электронный микроскоп, — сказал он с нескрываемой гордостью и взглянул поверх меня с такой энергетической силой, что я почти физически почувствовал необъятность горизонтов, раздвинутых передо мной.

Дмитрий Константинович решительно встал из-за стола — пойдёмте!

Мы шли по длинному коридору, по обе стороны которого располагались кабинеты научных сотрудников. Очень хорошо помню, что в один из дальних кабинетов по правой стороне он постучал. Когда мы вошли, сидевшая к нам спиной молодая женщина встала из-за письменного стола. Небольшого роста, мягких форм, она некоторое время пребывала как бы в отсутствии. Возвращая её к действительности, Дмитрий Константинович извинился за наше вторжение, а я глазел по сторонам, точнее, по углам, в которых стояли многогранные стеклянные шкафчики. Меня совершенно не интересовала хозяйка кабинета, я надеялся увидеть чудо научной мысли — электронный микроскоп.

Между тем, очевидно, не желая понапрасну тратить время, Беляев сказал:

— Людмила Николаевна, пожалуйста, дайте этому молодому человеку лишний экземпляр вашей диссертации. — В его голосе прозвучали прежде неизвестные мне по-военному чёткие указующие нотки. И вроде

не приказ, но кобура растёт-нута.

Людмила Николаевна на удивление мгновенно извлекла из письменного стола тоненькую книжцу и, взглянув на меня словно на ротозея, негладно почему забредшего к ней, с явным неудовольствием подала мне. Я не успел прочесть название диссертации. Меня поразила надпись как раз на том месте, где печатается фамилия автора, — Трут. Я был ошеломлён, причём настолько, что не заметил перед фамилией инициалов Л.Н. (Людмила Николаевна). В моём мозгу крутилось, что эта книжца — труд, и, видимо, весомый труд, раз обозначен на титуле обложки.

Долго рассматривать книжцу не было никакой возможности, и я спрягал её во внутренний карман пиджака.

Сегодня, как и прежде, Людмила Николаевна Трут — соавтор эксперимента (Д.К. Беляев) по одомашниванию лисиц. Она доктор биологических наук, профессор, с 1990 года занимает должность главного научного сотрудника эволюционной генетики Института цитологии СО РАН в Новосибирске. Благодаря ей уникальный экс-

перимент по выведению одомашненных лис длился более шестидесяти лет.

А тогда (в 1971-м), выйдя из кабинета Людмилы Николаевны Трут, директор института Д.К. Беляев снова был добрым, весело улыбаясь, опять напомнил о реферате объёмом около десяти машинописных страниц. Напомнил, как догадываюсь, с единственной целью — поднять настроение, мол, вопрос моего поступления к нему в аспиранты практически решён.

По приезде домой моё сообщение о намерении идти в генетику большинством родственников было воспринято однозначно положительно. Отмалчивалась только Галочка (моя жена). Впрочем, реферата я не написал. Более того, так и не удосужился прочесть кандидатскую работу Людмилы Николаевны Трут, за что искренне прошу у неё прощения. К сожалению, а может быть, к счастью, есть вещи выше нас. К тому же надо иметь в виду, что в то время я жил жизнью поэта и на дню у меня бывало не только семь пятниц, но и семь суббот и семь воскресений. Проявленное ко мне доб-

рое внимание Дмитрия Константиновича Беляева обязывало меня помнить о приглашении в аспирантуру. И я помнил. И, чувствуя свою виновность, много раз порывался взяться за реферат, и всякий раз мои порывы заканчивались стихами или поэтическими зарисовками в прозе, которые всё больше и больше мне стали нравиться. Теперь-то понимаю — почему. Пойти в генетику обещал поэт Губкин, а прозаик Губкин ничего такого не обещал. С каждой зарисовкой в прозе моё чувство виновности всё больше и больше истаявало, пришло новое обретение свободы, теперь ничто не мешало мне вновь стать писателем.

Стихотворение «Аспирант» — из того, скажем так, «рефератного эпизода моей жизни» — можно прочесть в сборнике «Свет времени» (издание четвёртое, исправленное и дополненное, 2019, с. 64).

Крым, пгт Черноморское.
22.06.2022.

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru

Беседовал
Игорь МИХАЙЛОВ

АКЦИЯ «АН»

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЦЕНЕ ОДНОЙ КНИГИ

Продолжается конкурс «Путешествуйте с Виктором Слипенчуком»

Уважаемые читатели, друзья! Совсем недавно Издательский дом «Аргументы недели» и книжный магазин «Библио-Глобус» объявили о старте уникального конкурса «Путешествуйте с Виктором Слипенчуком». Виктор Трифонович — человек увлекающийся, глубокий. Он способен увлечь за собой в длительное путешествие кого угодно. И не только по страницам своих книг. Теперь его Книга — это ваш шанс исполнить свою мечту о путешествиях. Рассказываем кратко, как это сделать.

Почему конкурс уникальный?

Вы получаете редкую возможность выиграть путешествие по стране по цене всего одной книги! Для вас выбраны наиболее привлекательные маршруты по России: в Забайкалье, на родину Чингисхана (с размещением на озере Байкал) и по Пушкинским местам в Псковской области.

Преимущества конкурса. Во-первых, вы не будете одиноки в пути и сможете сделать подарок близкому человеку — разыгрываются путёвки на двоих. Во-вторых, за вас заплатят! Счастливым обладателям тура на Байкал повезёт дважды. Организаторы акции берут на себя расходы на авиабилеты(!). И наконец, третьих, вероятность выигрыша намного выше, чем в любой лотерее.

Беспроигрышность. В отличие от обычной лотереи ваши деньги не улетят на ветер — вы приобретёте книгу с редким для наших дней философско-познавательным контентом (трудное детство по Хэмингуэю) и оригинальной стилистикой (звукопись слова от Хлебникова).

Что читать в сборниках?

Можно на выбор, но с интересом — всё. Про гармонию с природой, про людей индигу, великих учёных, про честь и благородство, и, конечно же, про любовь. Самые известные произведения автора: поэмы «Чингис-Хан», «Тринадцатый подвиг Геракла», повести «Огонь молчания», «Смеющийся Пупсик», «За мысом Поворотным»,

фантастические романы «Зинзивер», «Звёздный Спас», дневник-путешествие «Золотой короб» (сайт писателя <http://www.slipenchuk.ru>).

Как стать участником?

Шаг первый. Вы покупаете любую книгу из восьмитомного собрания сочинений автора в книжном магазине «Библио-Глобус».

Шаг второй. Вы регистрируетесь в качестве участника конкурса. Для регистрации достаточно передать данные о покупке (ФИО, название приобретённой книги, дату и место покупки, номер чека (если есть) по одному из выбранных вами каналов связи:

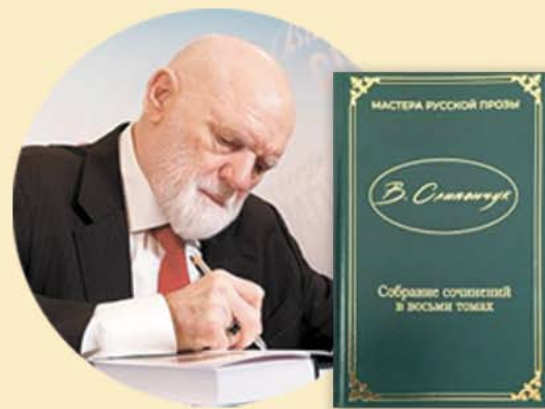
- через форму обратной связи на сайте еженедельника «Аргументы недели» (ссылка)
- по адресу электронной почты konkurs@argumenti.ru
- на WhatsApp или Telegram по номеру 8(985)253-94-14.

Шаг третий. 18 июля 2022 года вы приходите в «Библио-Глобус» (в зал презентаций) с платёжным документом, подтверждающим совершённую покупку, для участия в розыгрыше призов.

Напоминаем вам, что до окончания акции остаётся совсем немного времени. Ждём вас **18 июля в 18:00** в зале презентаций магазина «Библио-Глобус» (улица Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.). Участвуйте и выигрывайте! С нами это более чем реально!

ВНИМАНИЕ!

КОНКУРС «ПУТЕШЕСТВУЙТЕ С ВИКТОРОМ СЛИПЕНЧУКОМ»

Розыгрыш туров по России состоится в магазине «Библио-Глобус» 18 июля 2022 г.

Подать заявку на участие в конкурсе можно на сайте еженедельника «Аргументы недели»

Контакты:

E-mail: konkurs@argumenti.ru,
WhatsApp/Telegram: 8 (985) 253-94-14

Организатор
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ